

R E C E N Z J E

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

А.П. Дмитриев, *Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов*,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
«Родник», Санкт-Петербург 2018, 912 с.

Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) по словам его современников — «самобытный и глубокий мыслитель», (Юрий Петрович Бартенев), «гений-энциклопедист» (Иван Фёдорович Романов-Рцы), чей облик вызывал в памяти образ Михаила Ломоносова: «оба вышли из народной среды; оба собственными силами обязаны развитием вложенного в них Божьего дара; и оба навеки останутся памяты народу своими трудами на пользу родного языка и родной науки» (Анна Михайловна Гальперсон). Однако, несмотря на высокие оценки современников, Гиляров долгое время оставался практически забытым в России писателем-богословом. Труды его в течение последнего столетия практически не переиздавались, упоминания о нем и ссылки на его сочинения появлялись в лучшем случае в связи с изучением славянофильства. Лишь к концу XX века, благодаря публикациям Бориса Фёдоровича Егорова, а затем и его младшего коллеги — Андрея Дмитриева, открывших научному миру оригинального русского писателя и религиозного философа, Гиляров стал привлекать к себе внимание исследователей и простых читателей.

Андрей Дмитриев поставил перед собой амбициозную цель: всесторонне изучить личность, жизненный путь и литературное наследие этого автора. И судя по регулярно появляющимся в печати изданиям источников с основательными комментариями и научными статьями¹ в течение последних десяти

¹ См. лишь некоторые издания: Н.П. Гиляров-Платонов, *Из пережитого: Автобиографические воспоминания*, изд. подгот. А.П. Дмитриев и др., отв. ред. Б.Ф. Егоров, Наука, Санкт-Петербург 2009, т. 1, 614 с.; т. 2, 714 с.; Н.П. Гиляров-Платонов, *Последние дни Помпеи: Семинарские опыты в стихах и прозе (1837–1843)*, сост., подгот. текстов, коммент. А.П. Дмитриев, отв. ред. Б.Ф. Егоров, Пушкинский дом, Санкт-Петербург 2009, 528 с.; *Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887)*, сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриев, отв. ред. Б.Ф. Егоров, Росток, Санкт-Петербург 2011, 512 с.; Ю.Н. Говоруха-Отрок, *Во что веровали русские писатели?: Литературная критика и религиозно-философская публицистика*, в 2 т., изд. подгот. А.П. Дмитриев и Е.В. Иванова, Росток, Санкт-Петербург 2012, т. 1, 895 с.; т. 2, 1087 с.; В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев: *Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве*, изд. подгот. А.П. Дмитриев и др. Росток, Санкт-Петербург 2014, 1182 с.; Рцы (И.Ф. Романов), *Собрание сочинений*, в 2 т.,

лет (более 80 публикаций), Дмитриев целеустремленно и последовательно собирал всевозможные материалы, касающиеся Гилярова. Ученый в результате последовательных розысканий в архивах и книгохранилищах обнаружил множество неизвестных документов, которые позволяли по-новому реконструировать биографию и творчество писателя, осмыслить, комментировать и издавать забытые и вновь найденные тексты. Он детально изучал контакты и взаимодействие мыслителя с современниками в широком контексте русской гуманитаристики второй половины XIX века. Итогом этого труда и стала фундаментальная монография, где ученый сумел показать многогранный, «возрожденческий» характер деятельности своего героя: «он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причем весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и филолог, и экономист, и социолог, автор многочисленных статей по политическим, общественно-церковным, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью и стилистическими достоинствами не уступают подчас творениям писателей первого ряда» (с. 5). В центре внимания Дмитриева — феномен Гилярова — ученого, писателя, литературного критика, публициста в контексте историко-литературного процесса 1830–1880-х гг. и далее — до начала XX века, когда в литературе еще активно действовали ученики Гилярова.

На основе анализа всех имеющихся на настоящий момент источников Дмитриев впервые представил полную научную биографию Гилярова; обосновал его значимость как одного из наиболее глубоких русских мыслителей и создателей национальной идеологии; определил научный вклад Гилярова в область эстетики и языкознания, богословия и церковной истории, политэкономии, социологии и философии; внес существенные уточнения в творческую историю и датировку многих произведений писателя, раскрыл не учтенные ранее псевдонимы, исправил фактические ошибки и проч. и проч., обозначил характерные черты его индивидуальной творческой манеры. Привлеченный Дмитриевым материал, характер его осмысления и полученные результаты свидетельствуют о масштабности, глубине, основательности осуществленного исследования, его новизне и научной значимости.

Заслуживают пристального внимания наблюдения и аналитические комментарии исследователя, касающиеся духовно-нравственной проблематики эпохи и характера ее интерпретации в публицистических выступлениях Гилярова. В частности, по поводу государственной и народной жизни в ее историческом развитии, православного учения об обществе, гражданских прав российских евреев, старообрядчества, пастырского богословия, цензуры и свободы слова, вселаянского единства и проч., и проч. Представляют интерес также точные, корректные сопоставительно-сравнительные характеристики творческих установок Гилярова и таких крупнейших публицистов его времени, как Михаил Катков, Иван Аксаков, Константин Победоносцев,

сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров, Росток, Санкт-Петербург 2016; *Переписка И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова (1855–1885)*, сост., публ. А.П. Дмитриев, общ. ред. Б.Ф. Егоров, Росток, Санкт-Петербург 2018.

Арнольд Думашевский, Тертий Филиппов, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и др.

Особо выделю третий раздел монографии — *Н. П. Гиляров-Платонов как мемуарист и литературный критик. Творческие диалоги с современниками*. В этом разделе на основе хранящихся в РО ИРЛИ сочинений Гилярова семинарского периода Дмитриев описывает процесс становления эстетических и религиозных взглядов писателя. При этом интерес вызывают ранняя проза и дневники Гилярова. Большинство из сохранившихся произведений — беллетристических (*Последние дни Помпеи, Честолюбец, Случай, каких немного, Страшный суд*) и поэтических (*Два бедняка, Летняя ночь*) — объединяет христианская мотивика, эсхатологическая тема, проблема греха. Юного автора, утверждает исследователь, «не интересовали традиционные для светской литературы облегченные темы и сюжеты», зато ему присуще устойчивое движение «в сторону христианского, духовного реализма» (с. 281). В 1837–1843 гг., Гиляров вел дневник, названный *Нечто, собрание кое-чего, или Мои мечты и думы*, большая его часть не сохранилась, но два фрагмента (за 1839 и 1843 гг.) Дмитриев обнаружил в архиве. Эти дневники, как поясняет ученый, давали юноше «возможность самовыражения, когда перехлестывало через край творческое возбуждение, переполняли душу впечатления от увиденного, услышанного и, особенно, прочитанного», а также выполняли «функции самопознания и исповеди» (с. 290). Замечу, что дневниковые интенции Гилярова (нр.: «Я намерен, или, лучше сказать, я желал бы, вести жизнь самую регулярную, в которой бы было все расчислено по часам, когда и чем заниматься, делом или бездельем, и даже если делом, то именно каким. Но — Боже мой! — сколько я давал себе таких обещаний?!» с. 291) практически совпадают с диаристскими устремлениями юного Льва Толстого.

Далее Дмитриев подробно описывает творческую историю, претексты и источники-«образцы», жанр, композицию замечательных автобиографических мемуаров Гилярова *Из пережитого*, их восприятие и оценки современной критикой (и здесь ряд текстов впервые вводится в научный оборот); анализирует и ныне актуальные литературно-критические статьи, посвященные крупнейшим писателям XIX в., раскрывает проблематику творческих — нередко полемических — диалогов Гилярова с Сергеем Аксаковым и его сыновьями Константином и Иваном, Алексеем Хомяковым, Юрием Самариным, Львом Толстым, Александром Островским, Николаем Лесковым, Федором Достоевским и др. Кроме того, Дмитриев деликатно и скрупулезно рассматривает письма Гилярова к его ученику Романову-Рцы, где писатель, в полной мере реализовал свою «потребность в исповеди» — и интеллектуальной, мировоззренческой (причем во многих аспектах: богословском, философском, общественно-литературном, политическом), и задушевно-личной, позволившей с высоты прожитых лет по-новому осветить изломы собственной судьбы и наиболее важные моменты пережитого.

Большое научное значение имеет объемное *Приложение* (с. 471–865), которое содержит публикацию новых архивных документов, дающих представление о судьбе литературного наследия Гилярова в последние годы его жизни и в первые два десятилетия со дня его кончины. Комментарии к документам содержат важную информацию о ближайших учениках и последователях Гилярова (Ивана Романова-Рцы, Анны Гальперсон, кн. Николая Шаховского и др.).

На мой взгляд, монография Андрея Дмитриева идеально вписывается в тот принципиально значимый для развития науки круг исследований, которые ставят и решают «всегда актуальную для филологической науки задачу — давать объемное и детализированное видение литературного движения прошлого, представляя его объективную, многоуровневую и многоаспектную картину». Очень радует, что молодой ученый наследует лучшие, наиболее ценные свойства своих выдающихся предшественников — представителей русского академического литературоведения с их неизменным вниманием к источниковедению, текстологии, библиографии.

Книга будет полезна всем гуманитариям, особенно философам, историкам, филологам, интересующимся развитием русской консервативной мысли.

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

Ю.М. Прозоров, *В.А. Жуковский в историко-литературном освещении. Эстетика. Поэтика. Традиции. Монография,*

ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, «Полиграф», Санкт-Петербург 2017, 406 с.

Василий Андреевич Жуковский — «литературный Колумб Руси, открывший ей Америку романтизма» (Виссарион Белинский) — уникальная творческая личность, определявшая поэтическое, интеллектуальное и религиозно-нравственное содержание своей эпохи. И в то же время Жуковский — одна из фундаментальных фигур русского историко-литературного процесса, обусловившая его поступательное развитие на протяжении XIX–XX вв. Литературоведение, располагая к настоящему времени огромным массивом научных трудов о русском поэте-романтике, тем не менее остро нуждается в современном осмыслении целого ряда позиций первостепенной важности для более адекватного прочтения как наследия самого Жуковского, так и уяснения характера его воздействия на последующее развитие литературы.

Юрий Прозоров, изучающий около сорока лет творчество поэта, как никто другой из современных ученых, ориентируется в сильных и слабых сторонах науки о Жуковском, поэтому в своей монографии он и сосредоточился на проблемах, действительно, первостепенной значимости. Исследователь сконцентрировал свое внимание на изучении 1) эстетики Жуковского, 2) поэтики его творчества, 3) исторических судеб тех художественных традиций, которые были заложены поэтом. Именно в таком комплексном сочетании наследие Жуковского никогда не рассматривалось, что определяет научное новаторство монографии. Тщательно изучив разнообразные художественные, литературно-критические, автобиографические, эстетические сочинения Жуковского, его конспекты, записи, фрагменты, а также не учтенные ранее архивные источники, ученый поставил перед собой фундаментальную цель: выявить базовые константы художественной картины мира Жуковского. Отбор материала и характер его осмысления свидетельствуют о правомерности сформулированной цели, адекватности поставленных научных задач, эффективности предложенных путей для их решения и в целом об актуальности проведенного исследования.

В монографии Прозоров максимально расширил и подробно очертил горизонты эстетического кругозора поэта, последовательно представил историю становления и эволюцию литературно-критических и эстетических взглядов Жуковского — от просветительства к романтизму (Глава первая: *Критико-эстетические воззрения В.А. Жуковского: источники, содержание, эволюция*, с. 23–80); определил характерные свойства его творческого мышления и, что очень важно (!): впервые описал такие существенные для творческого сознания поэта категории, как меланхолия (Глава вторая: *Категории поэтического мышления В.А. Жуковского*, с. 81–169) и ужасное (Глава третья: *Категории поэтического мышления В.А. Жуковского. «Ужасное»*, с. 170–231). Меланхолия, согласно наблюдениям и выводам ученого, приобретает у Жуковского исключительное философское и художественное значение. Эта культурная категория наделена поэтом «смысловой множественностью», несущей на себе «отпечатки разных эпох своего развития и разных этнонациональных традиций». Меланхолия — это и «исключительно психологическое состояние», и «эмоциональная атмосфера лирики» Жуковского, и «целая система культурно-исторических воззрений» — то есть в целом огромный «мир творческих идей, общественных умонастроений, эстетических вкусов, поэтических откровений» (с. 81–82). Ученый изучил «меланхолические приметы» также и в дневниковых записях поэта, непосредственно отразивших его внутреннюю рефлексию. Созданная там «переливающаяся» картина мира — с неясностью туманов и сумерек, с неопределенностью промежуточного времени суток, с неустойчивостью переходного времени года и проч. — все это и есть созерцание меланхолически настроенного автора.

Стоит подчеркнуть, что в монографии Прозорова гармонически соединились присущие ученому глобальность научного мышления, филигранность в работе с конкретным текстом, ясность и стройность изложения. Так, в частности, в результате тонкого, скрупулезного анализа романтических элегий, исследователь убедительно показал и доказал, что меланхолия у Жуковского — это напряженное интеллектуально-психическое состояние лирического героя, обусловленное как философским контекстом романтической эпохи, так и индивидуальным своеобразием душевного мира человека Нового времени. Именно «меланхолическая душевность» предопределила становление психологизма в поэзии Жуковского, а через нее — и в позднейшей русской лирике и русском романе XIX в.

Наряду с меланхолией, исследователь сосредоточился на изучении ужасного — как значимой категории для содержания балладного творчества поэта. «Романтическая муза» Жуковского, как заметил еще в свое время Белинский, любила «мрачные картины фантастической действительности» с ее «гробами, скелетами, духами, злодействами и преступлениями — темными преданиями средних веков». Прозоров, изучив «готическую» эстетику романтической баллады, рассмотрел различные этические коллизии, которые Жуковский облек во внешние формы ужасного, фантастического, выходящего за пределы «здешнего порядка», и пришел к выводу, что ужас, преображенный в горниле художественных контекстов, приобретает самые различные свойства и выполняет разнообразные функции. Ужасное выступает и как особая эстетика, и как художественная атмосфера, и как определенный круг поэтических тем и образов. Ужасное «отбрасывает», по словам Прозорова, «свои рефлексии не только на баллады Жуковского, но и на ряд других, эпических и лиро-

эпических, жанров его поэзии, сказки, поэмы, стихотворные повести» (с. 218). Как убедительно продемонстрировал исследователь, ужасное проявлялось у Жуковского наиболее остро и выразительно в произведениях с демонологической фантастикой (см. анализ *Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем...*). Поэтика *ужасного*, восходящая к балладам Жуковского, вскоре становится неотъемлемым компонентом в повестях Антония Погорельского *Лафертовская маковница* (1825), Александра Бестужева-Марлинского *Страшное гадание* (1830), Николая Гоголя *Страшная месть* (1832) и др. произведениях.

Исследуя жизнь поэтических традиций Жуковского в литературатурном процессе второй половины XIX и в XX столетиях, исследователь более конкретно и детально рассмотрел характер их усвоения и функционирования в поэзии Николая Некрасова (Глава четвертая: *Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и Н.А. Некрасов*, с. 232–299) и в прозаической трилогии о русских писателях Бориса Зайцева (Глава пятая: *Исторические судьбы традиций В.А. Жуковского в русской литературе. В.А. Жуковский и биографические повествования о русских писателях в творчестве Б.К. Зайцева*, с. 300–339). Если Некрасов на раннем этапе своей творческой деятельности, согласно заключениям ученого, видит в Жуковском «учителя», а в его романтической поэзии находит «подтверждение поэтических прав народной темы», то Зайцев имплицитно «спиритуальность» поэзии Жуковского с ее стремлением к выражению «невыразимого» в свою биографическую прозу, приводя таким образом в действие восходящий к эстетике Жуковского «сверхрациональный потенциал слова». Ученый обнаружил, что литература XX в. в качестве одной из наиболее ценных составляющих наследия Жуковского усваивает заложенную им традицию активизации «сверхлогических семантических ресурсов поэтического языка, пробуждения окружающей слово и дремлющей в обыденном словоупотреблении смысловой ауры» (с. 343).

Особо отмечу значимость впервые введенной Прозоровым в научный оборот не публиковавшейся ранее одной из редакций (рубеж 1840–1850 гг.) перевода Жуковским ряда текстов Священного Писания (Приложение: *Из рукописного наследия В.А. Жуковского. Переводы фрагментов Священного Писания*, с. 345–389).

В процессе многопланового, многоаспектного, нередко междисциплинарного исследования наследия Жуковского исследователь не только выявил имеющиеся лакуны в изучении творчества поэта, но и предложил эффективные пути и версии их смыслового наполнения. Ученый глубоко осмыслил наследие Жуковского как сложный, постоянно эволюционирующий и вместе с тем устойчивый в своей основе микро- (творчество) и макрокосмос (наследование и развитие традиций), показав его неисчерпаемую аксиологическую значимость для русской культуры.

Книга полезна в первую очередь для филологов, а также для всех, интересующихся историей и процессами развития русской литературы.